

Н. И. Костомаров

**Исторические монографии и
исследования Николая
Костомарова**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Исторические монографии и исследования Николая Костомарова: Том 6 / Н.
И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 344 с.

ISBN 978-5-458-10095-3

Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Том
шестой. Смутное время Московского государства в начале 17 столетия. Том
третий. Московское разорение. Издание Д. Е. Кожанчикова.

ISBN 978-5-458-10095-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Грамата временнаго правительства.—Партіи.—Прибытіе Жолкѣвскаго подъ Москву. — Совѣщанія.—Договоръ объ избраніи Владислава на царство.

Царя Василия Шуйскаго низвели съ престола.

Отъ временнаго правительства, во главѣ котораго былъ Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, издана окружная грамата, именованная всѣхъ сословіи Московскаго государства. Въ ней извѣщали о перемѣнѣ правленія; сказано было, что Шуйскаго не любятъ жители украинскихъ городовъ, не обращаются къ нему и не хотятъ служить ему; изъ-за него въ русской землѣ междоусобія, христіанская кровь льется, возсталъ отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата; враги иноземные терзаютъ государство; король стоитъ подъ Смоленскомъ, воръ подъ Москвою въ Коломенскомъ. Русскіе люди приглашались цѣловать взаимно другъ съ другомъ крестъ на томъ, чтобы защищать свою землю; изъ городовъ слѣдовало прислать въ Москву выборныхъ людей, по человѣку отъ каждаго чина для совѣта. Что касается до будущаго постояннаго правительства, то

указывалось выбрать въ государи всей земли того, кого Богъ дастъ, безъ опредѣленія заранѣ лица *). Нельзя уже было основываться на правѣ наследственномъ: оно было поправно въ лицѣ Шуйскаго. Оставалось право избранія. Имѣли въ виду Владислава; но не смѣли еще называть его, пока не сойдутся съ поляками.

Между тѣмъ, съ Жолкѣвскимъ велись тайно сношенія. Тотчасъ послѣ взятія Царева-Займища, онъ отправилъ въ Москву смолянина Федора Сушелина съ товарищи, съ договоромъ, заключеннымъ въ Царевѣ-Займищѣ, и съ королевскимъ письмомъ. Это было еще до низверженія Шуйскаго. Въ письмѣ своемъ онъ старался очернить царя Василія Шуйскаго и указывалъ на его неспособность. Мстиславскій, посовѣтовавшись съ дворянами, послалъ къ Жолкѣвскому одиннадцать дворянъ Смоленской земли съ грамотой. Въ ней бояре замѣчали, что въ королевскомъ письмѣ не давалось обѣщанія, чтобы Владиславъ крестился въ православную вѣру. Изворотливый Жолкѣвскій тотчасъ же написалъ имъ такой отвѣтъ: «Вѣдь вы видѣли въ письмѣ господаря его милости короля, съ приложеніемъ его руки и печати, что господарь его милость король и господарь его милость королевичъ Владиславъ не нарушать вашей православной вѣры греческаго закона и желаютъ сохранять московскіе обычаи ненарушимо, а крещеніе королевича Владислава въ русскую вѣру—дѣло духовное, патріаршее.» Впрочемъ, не ставя избранія Владислава главнымъ дѣломъ, Жолкѣвскій писалъ, что идетъ защищать Москву отъ врага, что король, по своему христіанскому состраданію, хочетъ только укротить междоусобіе и остановить кровопролитіе въ сосѣдней странѣ.

На такое заявленіе ему написали, что въ Москвѣ не тре-

*) Собр. госуд. грам. II, 389.

буютъ помощи, и просили не приближаться къ столицѣ. Жолкѣвскій не обратилъ вниманія на это, шелъ далѣе воинственнымъ образомъ, и явно давалъ понять, что если Москва не принесетъ покорности, благовиднымъ образомъ прося защиты и помощи отъ польскаго войска, то онъ станетъ поступать съ нею по-непріятельски. Сопротивленіе Жолкѣвскому могло только дать временной перевѣсъ вору. Его партія, повидимому, убитая, легко могла возстать и усилиться, именно теперь, когда царя не было, когда правили бояре, и всѣ ожидали поляковъ. Бояре и знатные люди видѣли свою погибель, если бы воръ взялъ верхъ, хотя бы ненадолго. Съ этимъ царемъ черни, голытьбы, — боярамъ, окольниковымъ, дворянамъ, гостямъ, всему, чтò стояло выше другихъ и по породѣ, и по богатству, и по управленію, пришлось бы худо. Конечно, при такой бѣдѣ оставалось боярамъ лучше отдаться полякамъ; по крайней мѣрѣ быть подъ властью иноземнаго принца все же лучше, чѣмъ подъ властью обманщика, и, еще хуже, сдѣлаться жертвою черни. Притомъ же отъ поляковъ все-таки не было бы избавленія. Опираясь на то, что московскіе люди такъ или иначе, а уже изъявили, волею и неволею, желаніе посадить на царство Владислава, поляки не пропустили бы случая овладѣть московскимъ краемъ. Московское государство продолжало бы обливаться кровью. Калужскій воръ могъ имѣть временной успѣхъ, пагубный для знатныхъ людей, но онъ не могъ долго держаться; все-таки, въ концѣ концовъ, Польша покорила бы Московское государство. Нѣкоторые, по старой злобѣ на поляковъ, предлагали обратиться къ шведамъ и избрать на московскій престолъ шведскаго королевича; но эта партія не могла быть въ русской землѣ сильною: шведы были лютеране; въ глазахъ многихъ, они были еще ненавистнѣе для православія, чѣмъ католики; шведы недавно подъ Клушинымъ дурно оправ-

дали надежду на союзъ съ ними и на помощь отъ нихъ; наконецъ, что важнѣе, шведы были далеко, а поляки и Калужскій воръ стоятъ близко отъ Москвы, и шведы не могли бы спасти столицы. Другіе говорили объ избраніи царя изъ русскихъ родовъ; иные указывали на князя Голицына, иные на Романова. Мстиславскій, казалось, болѣе другихъ имѣлъ права, но онъ мало того, что отказывался отъ престола самъ, да еще порицалъ вообще избраніе царя изъ русскихъ; онъ былъ изъ такихъ, которые боялись, чтобы внезапное возвышеніе одного рода надъ другими не возбудило междоусобія и зависти между родами; лучше, казалось ему, выбрать государя изъ иностранныхъ царствующихъ родовъ. Невелико было число такихъ, что готовы были возвратить престолъ Шуйскому, но на это соглашался, однако, по отвращенію къ иноземцамъ, самъ патріархъ Гермогенъ; это показываютъ писанныя имъ уже послѣ того грамоты, гдѣ онъ увѣщевалъ признать снова царемъ сверженнаго Василія, а если уже нельзя было возвратить вѣнецъ Шуйскому, патріархъ все-таки былъ за то, чтобы его отдать не иноземцу, а своему православному, и склонялся болѣе всего къ избранію въ такомъ случаѣ Василія Голицына. Но противъ мысли объ избраніи царя изъ туземныхъ родовъ сильно говорили обстоятельства: прежде, чѣмъ успѣютъ въ Москвѣ собраться на дѣло избранія, Жолкѣвскій будетъ подъ столицей. Москвѣ, какъ говоритъ пословица, было—куда ни кинь, все клинъ. Неизбѣжно приходилось избирать польскаго королевича.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Мстиславскій собралъ бояръ и дворянъ за городъ, и началъ представлять необходимость вручить корону Владиславу, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, а потому послать къ Жолкѣвскому и просить его скорѣе пособить противъ вора. Одни изъ угрожавшихъ Москвѣ враговъ дѣлались ей союзниками и могли из-

бавить ее отъ другихъ враговъ: это уже была выгода. Жолкѣвскій подходилъ.

За милю отъ Москвы, на Сѣтунн, 23 іюля утромъ, остановилось польское войско: передовой отрядъ приблизился къ окраинѣ города. Русскіе думали было, что это отрядъ изъ войска вора пробирается на другую сторону города, и начали стрѣлять, но скоро убѣдились, что это не тѣ поляки, что служатъ вору, а другіе, которыхъ звала сторона Мстиславскаго. Тогда изъ польскаго отряда вышли впередъ русскіе; ихъ сейчасъ узнали соотечественники по одеж-дамъ; то были: Ивагъ Салтыковъ, Валуевъ, сдавшійся въ Царевъ-Займищѣ, Мосальскій и другіе. Когда они подошли къ московскимъ людямъ и начали по русскому обычаю цѣловаться, то поляки замѣтили, что они плакали. Но ихъ нѣжныя изліянія прервала тревога въ Москвѣ: съ той стороны, гдѣ стоялъ воръ, поднялся пожарный дымъ: загорѣлся кирпичный заводъ; его зажгли сапѣжынцы; пожаръ распространился по предмѣстью, и подъ такую суматоху в ровское войско шло на приступъ къ столицѣ. Мстиславскій обратилъ силы противъ этого нападенія, которое, казалось, было сдѣлано съ расчетомъ на то, что Жолкѣвскій, хотя и не для однѣхъ цѣлей, а будетъ неволью оказывать помощь вору, и хотя и во имя Владислава, а все-таки нападетъ на Москву, на которую нападаетъ воръ. Самъ Мстиславскій пришелъ въ недоумѣніе и послалъ къ Жолкѣвскому сына боярскаго, Ѳедора Телушкина, вывѣдать: чѣмъ гетманъ пришелъ для Москвы — другомъ, или врагомъ?

«Князь — говорилъ Телушкинъ—готовъ согласиться съ тобою, панъ гетманъ, но вотъ воровы люди подступили подъ Москву; если ты пришелъ съ добрымъ дѣломъ, то помоги противъ вора, или пошли сказать пану Сапѣгѣ, чтобы онъ пересталъ наѣзжать на Москву и жечь ее; по крайпо-

сти, когда мы станемъ отбиваться отъ воровъ, королевское войско пусть не дѣлаетъ намъ помѣхи ».

Жолкъвскій отвѣчалъ: « Я пошлю сейчасъ къ Сапѣгѣ приказъ, чтобы онъ не нападалъ на Москву, но помощи не дамъ, пока не окончится доброе дѣло въ пользу моего короля, а послѣ того я со всѣмъ моимъ войскомъ буду оберегать Москву и отъ вора, и отъ всякаго другого непріятеля ».

Салтыковъ, находившійся при гетманѣ, съ его дозволенія отправился съ своими московскими людьми оборонять столицу противъ вора *).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Телушкина, прибыли къ гетману посланцы отъ вора, нѣкто Янишевскій съ товарищи; они привезли письмо къ гетману отъ Сапѣги. Просили не мѣшать имъ, Димитріевымъ людямъ, и запретить своему войску зачинать несогласія съ ними.

« Я—сказалъ гетманъ—прикажу своимъ стоять спокойно и не подавать повода къ ссорамъ ».

Послы объявили, что Димитрій посылаетъ ихъ къ королю, и просили у гетмана пропуска. Они показали ему записку, которую давалъ Димитрій королю, гдѣ предлагалъ разныя выгоды Рѣчи Посполитой и уступалъ Сѣверскую землю, но выражался объ этомъ двусмысленно.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ гетманъ, но я думаю, что о Сѣверской землѣ написано не такъ, какъ слѣдовало бы.

— Димитрій, сказали послы, хочетъ прислать вашей милости поминки.

— Я, сказалъ гетманъ, не имѣю на то порученія отъ его величества, не могу ни принять его поминковъ, ни слушать его посольства, а съ Сапѣгою радъ сноситься **).

*) Рук. И. П. Б. Hist. Pol. 31.

**) Bibl. Kras. В. 1, 6.

Жолкѣвскій понялъ, что воръ не нуженъ Польшѣ, но ему хотѣлось, чтобы между королевскимъ войскомъ и поляками, служившими у вора, не дошло до открытой вражды на глазахъ московскихъ людей. Поэтому онъ писалъ къ королю, и просилъ обойтись милостиво съ посланцами вора и польскаго войска.

На другой день явился опять отъ Мстиславскаго посланецъ съ письмомъ. Жолкѣвскій сообразилъ, что время дорого и надо дѣйствовать рѣшительно. Онъ отвѣчалъ:

«Сноситься письмами на время; пойдетъ письмо за письмомъ, на письма отвѣты, на отвѣты опять письма,—и конца этому не будетъ; пусть лучше съѣзжаются съ нами бояре на переговоры».

Послѣ этого снова прѣхалъ посланецъ изъ Москвы, сынъ боярскій, Богданъ Глѣбовъ, съ извѣстіемъ, что бояре желаютъ сойтись съ гетманомъ и вступить въ переговоры, и проеятъ назначить часъ. Жолкѣвскій назначилъ для взаимныхъ переговоровъ третій часъ послѣ солнечнаго восхода, 25-го іюля, на большой дорогѣ, противъ Дѣвичьяго-монастыря. Мстиславскій, получивъ это извѣстіе, прислалъ вечеромъ гетману на гостинецъ вишень и превосходныхъ арбузовъ *).

Въ назначенный часъ было первое совѣщаніе, въ разбитомъ для того нарочно, по московскому обычаю, шатрѣ. Съ Московской стороны избраны: князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, а съ польской — двое пановъ, Балабанъ и Домарацкій, львовскій подстолий, и трое московскихъ людей, передавшихъ прежде полякамъ: Иванъ Салтыковъ, князь Юрій Хворостиницъ, уже пожалованный Сигизмундомъ въ воеводы рославскіе, и Валуевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Домарацкій сказалъ такъ:

*) Bibl. Kras. В. 1, 6.

« Московское государство просило его величество короля оказать ему въ бѣдахъ помощь; тѣперь настало время исполнить ваше желаніе; не трудно вамъ получить милость его величества, о которой вы умоляли ».

Домарацкій ни слова не говорилъ о Владиславѣ.

Московскіе уполномоченные говорили: « Все московское государство только и желаетъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣется, что подъ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для московскаго края... но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру греческаго закона ».

Поляки слишкомъ считали себя побѣдителями и завоевателями и недружелюбно принимали вообще предложенія условій. Домарацкій замѣтилъ, что это надобно предоставить самому королевичу—невозможно насиліемъ заставить его отрекаться отъ римско-католической вѣры!

Бояре рѣшительно повторили, что королевичъ не можетъ быть царемъ, если не приметъ греческой вѣры.

Домарацкій, чтобы не довести до ссоры на первый же разъ, сказалъ, что объ этомъ надобно поговорить главнымъ боярамъ съ самимъ гетманомъ. Балабанъ былъ самъ греческой вѣры, и увѣрялъ ихъ, что святая вѣра не будетъ нарушена. Его голосъ тогда успокоивалъ московскихъ людей и располагалъ къ согласію *).

Во время переговоровъ издали стояла большая толпа московскихъ дворянъ; когда совѣщатели стали расходиться, подошли они и объявили громогласно: « Мы всѣ желаемъ, чтобы царемъ нашимъ былъ Владиславъ, и надѣмся, что въ Московскомъ государствѣ водворится тишина и благоденственное житіе. Но только нашъ новый царь непременно долженъ быть греческой восточной вѣры ».

*) Bibl. Kr. В. 1, 6.

5-го августа былъ съѣздъ у Мстиславскаго и его товарищей съ Жолкѣвскимъ. Дьякъ Василій Телепневъ принесъ изготовленный договоръ, свитый въ трубку, и сталъ читать. Гетманъ и паны возражали на нѣкоторыя статьи, говорили, что не имѣютъ на то королевскаго приказа. Потомъ съѣзжались въ слѣдующіе дни, но на этихъ съѣздахъ не могли столковаться. Русскіе настаивали, что Владиславъ долженъ принять греческую вѣру. Поляки указывали на договоръ, заключенный Салтыковымъ еще прежде съ королемъ Сигизмундомъ: тамъ того не было; но этотъ договоръ не могъ имѣть теперь силы, когда его заключали люди, никѣмъ не уполномоченные и не имѣвшіе той верховной власти, съ какой выступали теперь бояре. Патриархъ Гермогенъ, съ которымъ бояре совѣтовались, говорилъ такъ: «Пусть будетъ королевичъ царемъ, если оставитъ латинскую ересь и приметъ христіанскую истинную вѣру греческаго закона, а если не такъ, то мы не только не благословляемъ васъ, а еще наложимъ на васъ клятву». Сообразно этому поученію архипастыря, бояре говорили Жолкѣвскому одно и то же, и три недѣли не могли съ нимъ сладить. Жолкѣвскій не соглашался поставить это обстоятельство непремѣннымъ условіемъ избранія Владислава. «Если королевичъ будетъ царемъ и по совѣсти будетъ имѣть желаніе, и польза государства того потребуетъ, то онъ можетъ тогда перемѣнить вѣру; иначе нельзя насло-вать совѣсть!» Такъ говорилъ Жолкѣвскій. Бояре же, заботясь о цѣлости вѣры, хотѣли, сверхъ того, поставить условіемъ, чтобы, принявши греческую вѣру, Владиславъ женился на русской, не сносясь съ папою о вѣрѣ и установилъ смертную казнь всякому, кто перейдетъ изъ православія въ латинство: послѣднее было предупрежденіемъ іезуитской пропаганды, которая неизбѣжно ворвалась бы въ Московскую землю. Съ этою цѣлью русскіе хотѣли еще,

чтобы Владиславъ, пріѣхавши въ Россію, не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы при немъ не было болѣе трехъ сотъ человекъ пріѣзжей свиты. Съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ переносилъ все Жолкѣвскій, не сердился, не выходилъ изъ себя, когда москвичи являлись на совѣщанія съ какими-нибудь отмѣнами или добавками противъ того, на чемъ сходились съ поляками на предшествовавшемъ совѣщаніи. Жолкѣвскій только не уступалъ имъ, и въ письмахъ своихъ къ королю жаловался, какъ тяжело вести дѣла съ такимъ упрямымъ и хитрымъ народомъ. «Изъ всего видно— писалъ король Жолѣвскому—что этотъ народъ хочетъ насъ надуть; онъ ведетъ себя не такъ, какъ то прилично въ его положеніи, не такъ, какъ народъ утѣсенный несчастьями, а какъ будто совершенно свободный народъ предлагаетъ намъ такія условія, какія считаетъ для себя выгоднѣйшими. Это совсѣмъ не то, что было подъ Смоленскомъ условлено. Намъ важно дозволеніе строить костелы въ ихъ государствѣ, и это мы уже выговорили прежде. Будьте осторожны, не дайте провести себя, и если ничего не сдѣлаете убѣжденіемъ съ тѣмъ, которые себѣ самимъ, или другимъ, мимо насъ, желаютъ государственія, то придется дѣйствовать силою и быстротою». / Кромѣ вопроса религіознаго, споръ долго шелъ по вопросу о власти въ пограничныхъ городахъ. Жолкѣвскій настаивалъ, чтобы тамъ были польскіе начальники и гарнизоны. Это казалось нужнымъ, чтобы поляки могли владѣть московскимъ государствомъ. Но москвичи упорствовали. Причиною упорства въ этомъ случаѣ былъ также и страхъ за вотчины и помѣстья, которыя были въ уѣздахъ, подчиненныхъ тѣмъ городамъ, гдѣ должны быть поляки, и кромѣ того боязнь, что такимъ образомъ иноземцамъ будутъ доставаться выгодныя мѣста, въ ущербъ московскимъ служилымъ людямъ, которые бы могли съ этихъ мѣстъ кор-